

Содержание

Предисловие. Человек высоких широт	9
Глава первая. Бухта Провидения	14
Детство с нелегальным стволом и Ливингстоном	14
Тянь-Шань и Амур	26
Мнимая случайность: к истории печатного дебюта Олега Куваева	29
Марсианские закаты в коричневом углу карты	42
Глава вторая. Чаунская правда	51
Посёлок	53
Розовая чайка для полярного супермена	64
Литератор из Певека О. Михайлов	79
Путь киновари	82
Глава третья. Город и окрестности	95
Наука двойного назначения	96
«Рассказ написан не с наших позиций»	104
Искатель	107
Крымское побережье Чукотки	112
Первая Колымская и планета Дальстрой	126
М. н. с.	144
Столица Колымского края	148
Прибрежное плавание	158

На шельфе Ледовитого	164
Метафизика геофизики	173
Зажёгшиеся костры	183
Код Севера	187
Обкомовская шобла и любопытствующие идиоты	202
Глава четвёртая. Дом для бродяги	212
Горный инженер человеческих душ.....	214
Хэм, Джек и другие родственники	222
Монтировка для братьев Люмьер.....	229
В лесу, на реке и дальше	233
Спорт и спирт	243
Глава пятая. Причина грядущего дня	253
Там, за холмами	258
Половина божественной сути: герои и прообразы	268
«Василий Феофаныч! Заткнись»	296
Игра дальстроевских престолов, или Песни вечной мерзлоты и мерцающего золотого пламени	305
Дым с камбуза «Пекода», или Пикник на краю земли чаучу и кавралинов	336
Будда с автоматом	358
Глава шестая. Бич — это звучит гордо	365
Держава бичевая, Христос и Ленин	366
Скрытая проповедь	392
Стратиграфия «Правил бегства»	409
Романный недострой	447
Глава седьмая. Уход	452
Послесловие. Вершины Куваева	464
Василий Авченко. Весточки с Территории	469

Основные даты жизни и творчества Олега Куваева	478
Куваев и вокруг него. Избранная библиография	481
Указатель имён	485
Источники иллюстраций	506
Об авторах	507
Благодарности	509

Предисловие

Человек высоких широт

В далёком 1990-м дальневосточный литературный критик Игорь Литвиненко сокрушался: «Пятнадцать лет прошло со дня смерти одного из интереснейших писателей нашего времени, а книги его до сих пор не прочитаны по-настоящему, не поставлены в контекст современной советской прозы...» Речь шла об Олеге Куваеве, с ухода которого теперь минуло уже почти полвека.

Для тех читателей, которые моложе авторов, следует пояснить: наш Олег Куваев — не тот, который «Масяня», а тот, который «Территория». Справедливости ради отметим, что время всё расставляет по своим местам, пусть и без спешки: если ещё несколько лет назад запрос «Олег Куваев» в поисковых системах интернета выдавал первым номером именно создателя «Масяни», то теперь список результатов неизменно возглавляет автор «Территории». И это не единственный факт, подтверждающий пророчество Дмитрия Быкова, заявлявшего в 2007 году со страниц

Предисловие

журнала «Огонёк»*: «Подождите, вернётся и Олег Куваев с “Территорией” — тема золотодобычи не устаревает».

Писателя, геофизика, полярника, путешественника Олега Михайловича Куваева (1934–1975) давно пора оценить по настоящему счёту. Не по гамбургскому — что нам Гамбург, когда у нас есть свои порты. Начиная с заполярного Певека на Чукотке, ставшей «вятскому мужичку» Куваеву второй родиной.

Он был сверхтребователен к себе. Не стремился ни в правофланговые, ни на трибуны. Книги его, как сформулировал в громогласные перестроечные времена тот же Литвиненко, — «неназойливы, некрикливы», их влияние на ход «нынешних злободневных дискуссий практически не ощущается». Действительно, «Территория» — не «Дети Арбата» и не «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, по этим причинам Куваев и оказался где-то во втором ряду на воображаемом групповом фото отечественных литераторов 1960–1970-х? Либо причина не в нём, а в нас, поспешивших слишком многое выплеснуть вместе с водой за борт очередного атомохода современности? Решивших, что Куваев — про геологов, Дальний Восток и романтику, а значит, это «чтение для молодёжи» (то есть второй сорт). К тому же для молодёжи вчерашней, советской, уже не существующей...

Или так: раз Куваев писал о людях периферии, не умевших либо не желавших подстраиваться под ритмы «цивилизации» и «прогресса», то и книгам его место на периферии?

После ухода Куваева сменилась историческая эпоха, а сам писатель оказался полузабытым. Важны ли, интересны ли его книги сейчас? Необходимы ли они современному читателю, в том числе выросшему в постсоветское время?

* Огонёк. 2007. № 2.

Поставив перед собой эти вопросы, авторы ответили однозначно: важны, интересны, необходимы.

Жизнь и произведения Олега Куваева – пример идеализма самой высокой марки; беспощадности к самому себе; убеждённости в том, что, помимо комфорта индивидуального существования, есть ценности более высокие; понимания работы как смысла жизни. Отправляясь куда-нибудь на Омолон и засылая туда же своих невыдуманных героев, Куваев сопротивлялся распространявшейся уже в 1960-х и 1970-х эпидемии потребительства, губящей душу. Сегодня его книги стали только актуальнее, поскольку эпидемия эта на наших глазах приобрела поистине апокалиптические масштабы.

Тексты Куваева, убеждены авторы, выдерживают проверку временем, поскольку отличаются не менее высокой пробой, нежели драгоценный металл, который искали на Чукотке герои романа «Территория».

Вопросы, которые ставил Куваев, не решены. Ответы, которые он давал, не утратили значения, хотя общество наше переродилось.

Масштаб писателя по-настоящему виден на расстоянии. Именно сейчас, спустя десятилетия, фигура Олега Куваева, бесспорно, претендует на включение в перечень русских классиков второй половины XX века наряду – при всём разительном несходстве – с Василием Шукшиным, Фазилем Искандером, Валентином Распутиным, Александром Вампиловым. Приходит осознание, что успех Куваева как писателя определялся не только выбором экзотической тематики или динамикой увлекательного сюжета, но и силой самобытного художественного слова. Например, Игорь Сухих, один из авторитетнейших современных критиков и литературоведов, в статье, приуроченной к сорокалетию смерти Куваева, доказывает, что «блеском стиля автор “Территории”, пожалуй, перецеголял раннюю прозу Аксёнова и К°».

Предисловие

Но успешной конкуренцией с литературными сверстниками достижения Куваева, конечно же, не исчерпываются. Примечательно, что в столь рано оборвавшемся куваевском творчестве представлены все четыре истории, которые, по мнению Борхеса, лежат в основе мировой художественной литературы.

История об укрепленном городе, который обороняют герои, распознаётся в рассказе «Телесная периферия», действие которого разворачивается на советско-афганской границе. Рассказ «Устремляясь в гибельные выси», посвящённый альпинисту Михаилу Хергиани, может быть истолкован как повествование о человеке, целью которого был штурм горных вершин — тоже своего рода крепостей.

История о возвращении — стержень повести Куваева «Азовский вариант». Задачу возвращения с необитаемого острова должен решить и герой рассказа «С тех пор, как плавал старый Ной».

История о поиске в том или ином виде представлена в большинстве куваевских произведений. Герои повести «Не споткнись о Полярный круг» ищут легендарную Пильхуэрти Нейка — гору из самородного серебра. Герой повести «Тройной полярный сюжет» целью своей жизни делает поиск розовой чайки, заставляющей вспомнить и Синюю птицу Метерлинка, и упомянутого Борхесом Симурга — царя всех крылатых существ. Персонажи «Территории» ищут золото, которое становится для них не просто ценным металлом, нужным строящей социализм стране, а символом подлинного бытия, равнозначным Святому Граалю или философскому камню. Герой «Печальных странствий Льва Бебенина», в отличие от рыцарей и подвижников «Территории», видит в жёлтом металле лишь средство для достижения личного благополучия и превращается в ожесточённого и озлобленного раба найденного им самородка.

Последняя история, описанная в сюжетной классификации Борхеса, — это история о самоубийстве бога. Несмотря на то что в текстах Куваева воссоздан не сакральный космос глубокой древности, а профанный мир не очень давней эпохи, мотив священного самопожертвования в них, безусловно, присутствует. Добровольно обрекает себя на смерть герой «Телесной периферии». Персонаж «Тройного полярного сюжета» священник Шаваносов принимает мученическую кончину.

Художественное наследие Куваева — магический кристалл, дающий возможность увидеть за реалиями советского времени свободную даль универсального романа мировой литературы.

...В 1971 году он с обычным своим юмором писал другу, прозаику Юрию Васильеву: «Я для Нобелевской премии архив храню. В ЖЗЛ-то кто про меня писать будет? Я, что ли? Для тебя и храню».

Все умерли. Никто не написал.

Глава первая

Бухта Провидения

Когда герой романа Олега Куваева «Территория» геолог Сергей Баклаков шёл в рискованный одиночный маршрут по чукотской тундре, «болотный бог» малой родины нашёптывал ему: вятская фамилия ещё появится на карте Союза!

Главным прототипом Баклакова был другой человек, но вятские корни достались ему от самого Куваева.

Детство с нелегальным стволом и Ливингстоном

Герой нашего повествования родился 12 августа 1934 года на станции Поназырево Костромской (тогда – Ивановской Промышленной) области.

Его брат Павел, прожив меньше года, умер от скарлатины. Смерть едва не забрала и маленького Олега. В пять лет он заболел дифтеритом и был спасён исключительно

стараниями отца, отважившегося из-за отсутствия в деревне какой-либо врачебной помощи высасывать гной из горловых нарывов сына с помощью самодельной металлической трубки. Этот экстремальный опыт и стал, если вдуматься, первым соприкосновением будущего писателя с миром большой литературы, поскольку использованный отцом Куваева метод лечения, требующий, безусловно, немалого мужества и самоотверженности, не единожды находил отражение в произведениях русской классики. Достаточно вспомнить «Попрыгунью» Чехова, где доктор Дымов, не думая о сохранении собственной жизни, также через трубочку высасывает дифтеритные плёнки у больного мальчика, или «Открытую книгу» Вениамина Каверина, в которой Андрей Львов, многократно повторявший подвиг Дымова при ликвидации эпидемии дифтерии в Анзерском посаде, в шутку называет свои действия «наглядным экскурсом в историю медицины» XIX века. Но не только металлические трубки выполняли функцию «тоннеля», соединявшего маленького Куваева с царством художественной словесности. Уже выздоровев, Олег долгое время не мог говорить, напоминая тем самым ещё одного героя Каверина – Саню Григорьева из «Двух капитанов».

В предисловии к сборнику 1968 года «Весенняя охота на гусей», названном «О себе», Куваев писал: «Я родился в Костромской области... но считаю себя вятичем, ибо всё время, вплоть до института, жил в Кировской области». Стоит, пожалуй, отметить, что постоянство, с которым Куваев держался за этноним «вятич», обусловлено не субъективными пристрастиями геолога и прозаика, а вполне осязаемыми качествами вятского «территориального» характера, нашедшего отражение во множестве пословиц и поговорок («Вятский – мужик хватский: за что ухватится – не отпустит» и т. п.). Не все из этих обобщённых изречений народной мудрости, надо признать,